

Радищев хотел создать образ нового человека, полного сил и веры в высокие идеалы борьбы за волюность угнетенного народа, человека-бойца. Этим и объясняется необходимость таких произведений, как «Житие Ушакова», с его героем — человеком будущего, преданным идеалам волюности. Это же задание сказалось и в «Путешествии», книге, в которой перед глазами читателя проходит идейное и моральное обновление героя, человека, честного умом и сердцем. Это обновление становится особенно убедительным благодаря авторскому методу погружения читателя в «тайное тайных» героя. Но это «тайное тайных» — новая совесть прозревшего человека, новая мораль и новые политические убеждения человека, отказавшегося от заблуждений и мужественно ставшего на путь борьбы за счастье угнетенных.

При анализе «Путешествия» Радищева необходимо преодолеть традицию чисто внешнего сличения и установления сходства общих приемов и сюжетов, свойственных книге Радищева и другим, «сентиментальным», «Путешествиям». Это сходство становилось как бы самодовлеющей величиной; исследователи забывали о главном — о мировоззрении автора, подчиняясь которому и организовывался материал «Путешествия». Простое совпадение сходных приемов не может служить доказательством тождества композиционных принципов.

Слова Карамзина в послесловии к его «Письмам русского путешественника» раскрывают идейный замысел путешествий стерновского покроя.

«Вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев, — взгляну и увижу каков я был, как думал и мечтал, а что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя?»

Созерцание движений своей души, чувствительной к воздействию внешнего мира, рассмотрение души, а не действительности, «самодовольное спокойствие человека, не думающего о счастье других» (Добролюбов), вот что привлекает внимание Карамзина. Карамзину, а отчасти и Стерну, свойственно стремление смазать, затушевать все противоречивые стороны действительности, свести ее до роли возбудителя чувствительной души путешественника. Вот такую действительность — механический возбудитель чудесных переживаний, снов и видений взволнованного ума приемлют эти авторы, и, вводя ее в произведение, как бы опускают декорации, замыкающие внутренний и дорогой мир, в котором «страждет» душа путешественника. Для них первичным и исконным в мире является независимый человек, его внутренний мир и любовно оберегаемое «тайное тайных души».

Радищевское «Путешествие» не стоит в ряду путешествий такого типа.

Отступлением от общей традиции является не развернутый, но правильный тезис Г. А. Гукковского: «От Стерна и традиции, связанной с ним, Радищев взял ряд технических приемов связывания кусков произведения: мы встретим у него и найденную